
---

*Всем, кто, следуя зову сердца,
продолжает свой путь...*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Два детства

Неподалеку от дома Берков, в переулках у Литтл-Джералд-Гриффин-стрит, стоят и понемногу крошатся толстые стены, еще помнящие осаду Лимерика. Всякий, кто рос здесь, знает их, как свои пять пальцев, помнит легенды времен кромвельской и вилямитской войн, не забывает, что город пал, лишь когда в этих стенах пробили брешь.

Волшебное и опасное место для игр детворы, резвившейся на их массивных выступах! Так с ранних дней стены естественно вошли в жизнь Шона Берка и остались в ней навсегда. «Бенгальская терраса», куда отец перебрался с семьей, в которой у Шона было шесть братьев, выходила на улицу Малгрейв-стрит длиной в полторы мили, ограниченную стенами тюрьмы, сумасшедшего дома и кладбища. Другой такой в городе нет. Однообразные высокие стены этих заведений сложены из блоков песчаника, нарезанных и облицованных местными каменщиками. Лимерик был городом ремесленников, чьи гильдии восходили к средневековым временам баронов, а гильдия каменщиков была из самых древних и уважаемых. Строгие длинные стены Малгрейв-стрит свидетельствуют об их искусстве.

Шон Берк проходил по этому каменному коробу каждый день, в школу и обратно, мимо тюрьмы, сумасшедшего дома и кладбища — обителей злодеев, безумцев и покойников.

Вокруг школы тоже были высокие стены из того же серого песчаника. Занятия в ней вели «Христианские братья», и царили здесь монастырские порядки. Молодое государство дало ордену учителей полную свободу внедрять устои и ценности Де Валера, правившего в Ирландии в конце 1930-х годов. Учителями в школе на Секстон-

стрит были монахи, жившие в общем доме в монастырской строгости. Каждый из них вставал ранним утром на молитву, дабы укрепить силу духа перед тем, как вступить в ежедневные изматывающие борения с классами, в которых было не меньше пятидесяти мальчишек. Стоит ли удивляться, что многие учителя, пытаясь навести порядок, сами выходили за рамки?

Шон рос в северном городе Ирландии времен Де Валера, где этот мечтательный аскет, стремясь заполнить идейный вакуум, оставшийся после ухода колониалистской Британии, пытался установить гэльский апартеид. В городах такая прививка не удалась. Насаждаемые ценности вымышленной сельской утопии не были восприняты теми, кого должны были вдохновить. Штурмовиками от просвещения стали «Христианские братья» — набранные в мужских семинариях школяры. Они возмнили себя борцами переднего края за Новую Ирландию которую еще до того, как Шон стал ходить в школу, официально провозгласили католической страной, говорящей по-гэльски и блюдущей семейные устои¹. Однако в городах почти все говорили по-английски, католичество было чистой формальностью, а главой семьи часто бывала мать, потому что отцы уезжали на долгие годы в Англию. В Ирландской конституции большое место было уделено семейной жизни, прежде всего вопросам воспитания детей. Семья была объявлена «...естественной, первичной и основной ячейкой общества — нравственным институтом, обладающим неотъемлемыми правами, которые предшествуют всем действующим законам и главенствуют над ними».

Другой принцип устанавливал: «Государство признает, что первым и основным воспитателем ребенка является семья». И предостерегал: «В исключительных случаях, когда родители в силу физических или нравственных причин не в состоянии исполнить свой долг в отношении детей, государство как хранитель общего блага прилагает усилия к тому, чтобы заменить собой родителей, безусловно учитывая надлежащим образом естественные и неотъемлемые права ребенка».

Я цитирую эти эдикты, чтобы показать, какая пропасть лежала между возвышенной риторикой и суровыми буднями Шона Берка, ничуть не соответствовавшими благим предназначениям. Вся

---

¹ Эти нормы были возведены в Ирландии в ранг конституционных.

дальнейшая линия его жизни и взаимоотношений определилась прежде всего полнейшим отвращением к любым государственным институтам. И в особенности, как обнаружилось, к связанным с ними «измами» XX века: католицизму, капитализму и даже коммунизму. Каждая из этих благодетельных доктрин стремилась вовлечь его в свое лоно, но его независимый дух неизменно восставал против них.

Трудно сказать, когда началось это бунтарство. Может быть, уже в пять лет, когда Шон исследовал укромные уголки нового дома. «Бенгальская терраса» находилась на окраине Лимерика. В республиканской Ирландии этот квартал был в ведении британской армии, что стало причиной целого клубка связанных с колониализмом несообразностей. Здесь жили семьи ирландцев, служивших в британской армии, а само название улицы напоминало о славной эпохе британского владычества в Индии. От горстки этих домов в городе, где прошлое постоянно соперничало с настоящим, веяло запахом осады. Позабытый осколок Британской империи никак не хотел принять вводимые Де Валера порядки.

Шон Берк очень рано осознал эти противоречия. Он выходил из дома, полного эмблем и регалий британской армии, и приходил в школу, где эти символы были предметом презрения и злобных насмешек монахов, одержимых идеями Новой Гэльской Ирландии. На Ирландии лежал груз постколониальных противоречий и неуверенности. По торжественным случаям строитель и символ новой «гэльской» Ирландии Де Валера появлялся из роллс-ройса во фраке, а офицеры недавно созданной ирландской армии отдавали ему честь. Их мундиры, как и вся церемония, были подобием британских.

По всей дряхлеющей Британской империи, от Каира до Дели, шли такие церемонии, имитирующие имперский стиль. Их участников прозвали «племенем подражателей».

Школьные учебники порочили бывшее присутствие Англии в Ирландии, но правительство умоляло британских промышленников вкладывать средства в новую страну, жители которой страдали от хронической безработицы и устремлялись в Англию. «Помни, что Джон Бульль заботился о нас!» — увещевала мальчика миссис Берк, когда сын рассказывал ей, как издевалась над ним шпана из соседнего Гэрриуона, завидуя новым домам, которые британская

армия построила для ветеранов. Стоило ему с братьями показаться, как на них градом сыпались насмешки:

У мартышки в клетке рожа
На кого-то так похожа –
Туурра-дурра, аты-баты –
На британского солдата.

С малых лет Берк понял, что жизнь — не сахар. Из дома, где от тумачков свирепого отца могла уберечь его только мать, он вырывался на улицу поохотиться за какой-нибудь жратвой. И каждый день добирался до ненавистой школы сквозь множество стычек и глумливых окриков.

В младших классах подзатыльник, кулак, ремень и палка были обычным делом. Строгая дисциплина, в которой жили «Христианские братья», сказывалась и на школьных классах, где они пытались воспитать молодых католиков. «Братья» вставали рано, неустанно трудились с утра до ночи и не покидали пределов монастыря. В школах Лимерика под началом «Христианских братьев» воспитание и обучение зиждились на строгой дисциплине, вкочлачивании зачатков знаний и евангелической вере в то, что из хаоса должен народиться порядок, при котором в бывшей колонии восторжествуют принципы гэльской и католической Ирландии. «Если не выучишь сам, клянусь распятым Христом, я вобью это тебе в голову!» — рывкал один из «Братьев».

Природная непокорность юного Шона Берка не могла не проявиться при таких порядках. Между крепко сбитым, дерзким, но добродушным мальчишкой и его аскетичными учителями лежала пропасть культурных различий. «Братья» происходили главным образом из сельских семей и впитали подозрительность к городским детям. Они посвятили себя насаждению ценностей, непонятных и чуждых их воспитанникам из городской среды. Большинство учителей были приучены к монастырским строгостям еще в отрочестве, и восторги мальчишеских забав и проказ прошли мимо них. Шон Берк, напротив, имел счастье расти в большом, шумном и необузданном семействе внутри города. Все в нем смолоду привыкли к лошадам, базару, лавкам, пабам, дракам, поездкам на ярмарки и распутству. Они были людьми основательными, и самым известным

в их клане стал брат отца «Пернатый» Берк, торговец металлоломом и властелин трущоб. В наследство от Лимерика Шон получил нескончаемые разговоры о войнах и переселениях. Его отец получил медаль за участие в Дарданелльской операции, а мать была «старой закалки». Само собой, люди такой породы не были склонны мириться с каждодневными унижениями в школе «Христианских братьев».

Шон вечно прогуливал. Он сдружился с семьей своего одноклассника Брофи, снимавшей квартиру на Томас-стрит. У них была родня в соседнем графстве Клэр, и Шона пригласили туда в деревенский Милик. Там, на ферме, десятилетний мальчишка проводил блаженные дни вдали от семьи и школы.

Он бродил по окрестностям, привыкал к сельской жизни, стал своим в семье, прикипел к скотине, пристрастился к полевым работам, и все это — в прогулянное время, за что в школе его ждало наказание. После нескольких визитов школьного инспектора отец явился в Милик, чтобы забрать сына домой. Его брат-близнец Кевин вспоминает: «Шон спрятался в доме под кроватью, на которой лежал при смерти девяностолетний дед. Шон посчитал такое убежище самым надежным...»

Его вернули, наказали дома и в школе, но он нашел другой способ добывать себе волю. В 1940-е годы кино стало общим наваждением, и детвора из рабочих районов расплачивалась за вход банками из-под варенья. С четырех часов дня у кинотеатров «Тиволи» и «Томонд» собирались длинные очереди ребятишек со стеклянными банками на бечевке. Кевин рассказывал: «За три банки давали одно пенни, а за вход брали три пенса... И вот ты внутри, в ином мире. Гэбби Хайес, Рой Роджерс со своим конем Триггером. Можно было завороченно просидеть на деревянном кресле целый вечер, не отрывая от экрана глаз». Братья Берк, особенно Шон, не вылезали из кино. Брат добавляет: «“Эррол Флинн”, “Граф Монте-Кристо” — такие шли картины... Шон вдруг вскакивал и начинал разыгрывать сцены из фильма». Нетрудно представить себе десятилетнего фантазера, срывающегося в азарте погони с деревянного стула, как с утеса. Эти детские впечатления отзовутся позднее во взрослом человеке. Но пока хватало обычных игр в заброшенных железнодорожных вагонах рядом с домом на «Бенгальской террасе». Стайки детворы разыгрывали в них сцены из фильмов, а Шон в них был главным злодеем, заводилой и выдумщиком проказ.

Вот его рассказ о ватаге сорванцов, забравшихся на железнодорожный мост над дорогой в город. Они заметили, что под мостом к ним приближается мамаша Мерфи.

«Она сидела на повозке у бидона с кислым молоком, которую, еле перебирая ногами, тащил в город понурый ослик.

Повозка приближалась. Срочно провели совещание, как бывало, когда в поле зрения появлялась достойная цель. Но не было под рукой боеприпасов. Камни исключены, а воды поблизости нет. Тогда Фонси, брат Гера, завопил: «А у меня есть! У меня есть!». Он спустил штаны, расставил ноги с двух сторон широкой щели между досками, присел на корточки и навел дуло своего орудия точно по центру щели. «Сигналь, Шон! — сказал он с ухмылкой. — Только сделай упреждение в пару ярдов, потому что мост высокий». Я занял стратегическую позицию и поднял руку, как командир батареи в фильме. Мамаша Мерфи приближалась. Глаза ее были неподвижно устремлены на спину навьюченного ослика, и она совершенно не подозревала об опасности. Другие мальчишки с любопытством сгрудились на четвереньках вокруг дыры. Вот она под мостом. Осталась пара ярдов. «Огонь!» — скомандовал я, резко опустив руку. Первая бомба угодила точно между ушами ослика и расплескалась по всей шее животного. Мамаша Мерфи с минуту глядела, не веря своим глазам, на коричневую жижу. Она дожила до шестидесяти и никогда прежде не видела, чтобы дерьмо падало с неба. Град, дождь и снег — это бывало. Но чтобы дерьмо! Она подняла глаза и раскрыла рот с выражением бесконечного удивления. А вниз уже летела вторая бомба. И был бы промах, если бы не ослик. Он был так ошарашен, что стал, как вкопанный, посреди дороги. Теперь глаза мамы Мерфи были устремлены вверх прямо на голый зад Фонси. Она увидела, как из жерла выползает снаряд, но не могла поверить этому и не отводила глаз, как загипнотизированная. Комок шлепнулся ей на лоб и распластался по лицу ровным слоем. «Иисус! Мария! Иосиф! — взвизгнула она. — Я погибла! Святая Матерь Божия, что тут творится!». Дюжина глаз, будто кошачьих среди ночи, смотрела на нее сквозь щели, а задница Фонси все еще угрожающе висела над ней. «Говнюки! Засранцы! — истошно закричала она. — Да покарает вас Бог!». Лицо ее стало сплошь коричневым».

Случается, что здоровых и активных ребят затягивает в такие безобразия, но со временем, став взрослыми, они иногда вздраги-

вают, осознав, сколь ничтожен был шаг, отделявший детскую шалость от непоправимого поступка. По поведению ребенка в игре уже можно предугадать деяния взрослого.

В 1944 году круглощекий и непоседливый Шон Берк устраивал свои проказы в Лимерике, а десятью годами раньше за шестьсот миль оттуда, в беспокойной Европе, голландский мальчишка Джордж Бехар томился одиночеством, наряжался в костюмы стариков и предстал в них строгим судьей. Войдя в роль нравственного обличителя, двенадцатилетний судья отмерял кары и штамповал приговоры на процессах, где обвиняемой обычно представляла их служанка.

Джордж Бехар был единственным ребенком. Его отец страдал от последствий отравления горчичным газом в Первую мировую войну, когда служил в британской армии. Египтянин по рождению, он был выходцем из аристократической семьи банкиров. Их род шел от сефардских евреев, укorenившихся в Средние века на Иберийском полуострове. Последовавшее изгнание занесло потомков семейства в Египет. Во время войны отец Джорджа служил в разведывательном отделе фельдмаршала Хейга и был удостоен наград Британии и Франции.

Нелишне сопоставить политический фон, на котором проходила жизнь Джорджа Бехара и Шона Берка. Джордж Бехар (впоследствии известный как Джордж Блейк) родился в ноябре 1922 года, а Шон Берк — в октябре 1934-го. Отцы мальчишек, которым будет суждено встретиться в тюрьме Уормвуд-Скрабс, служили в британских вооруженных силах. Бехар, как и Берк, впитали военные предания и отцовские саги, тем более впечатляющие, чем менее были им понятны. Они знали, что болезни отцов — отравление горчичным газом у Бехара и поражение легких из-за вдыхания угольной пыли у Берка, работавшего на погрузке военных кораблей, были следствием военной службы.

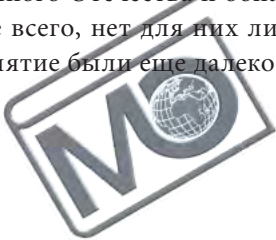
Между ними были большие различия, прежде всего в социальном положении и в темпераменте. Родословная Блейка восходила к космополитическим кругам Каира и Роттердама, где, женившись на голландской девушке, обосновался его отец. Семья была состоятельной. Джордж говорил на английском, французском, голландском и немецком и считал себя человеком с большим будущим. Шон Берк родился в рабочем Лимерике, испытавшем все несчастья

и страхи этой среды в 1930-е годы. Едва ли можно найти людей с более несхожим темпераментом. Берк — хулиганистый компанейский крепыш, а Блейк — худощавый книжник с амбициями, замеченными людьми с высоким положением.

Но у них было и нечто общее. Политически они относились к культуре, ставшей важнейшим фактором их встречи через много лет.

Хотя оба росли под отеческой сенью британских вооруженных сил, было это в странах, стремившихся сбросить оковы империи. Оба провели свои формирующие мировоззрение годы в колониях с двойственным самосознанием: Берк — в Ирландии, а Блейк — в Египте. Отождествить себя там с британской армией значило вступить в противоречие с народной стихией. Посеянные в детстве зерна сомнения дали всходы, когда они уже стали взрослыми. И возник неизбежный вопрос: что это, в сущности, значит — «быть британцем»?

Внутренний конфликт должен был возникнуть, когда Блейк и Берк добрались — каждый своим извилистым путем — до унаследованного Отечества и обнаружили, что никакого Отечества нет. Прежде всего, нет для них лично. Но в 1930-е годы этот конфликт и неприятие были еще далеко впереди.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Исправительный дом. Конец невинности

В девять лет Шон Берк распростер свои образовательные устремления от пустых банок из-под варенья до полных...

Хотя Свободное Государство Ирландия было во время войны страной формально нейтральной, душой представители семейства Берков были преимущественно на стороне Британии. Два старших брата поступили на службу в британские ВВС. В Лимерике был открыт пункт вербовки, и, чтобы оказаться в армии, достаточно было доехать на поезде до Белфаста за пять часов.

Тяготы военного времени в экономически зависимой от Британии стране проявились в оскудении продуктовых лавок. Варенье, которое до войны в рабочих семьях щедро намазывали на хлеб с маслом и запивали здоровенными кружками чая, вдруг стало дефицитным деликатесом.

Знакомый с расписанием грохотавших мимо их дома товарняков, Берк устраивал на них налеты и тащил из вагонов картонные упаковки варенья, бисквитов и сидра. От школьных занятий он по-прежнему отлынивал. Поэтому из школы на Секстон-стрит его отчислили и перевели в школу Иоанна Крестителя для трудных детей — тоже под началом «Братьев» и за такими же высокими стенами из серого известняка.

Один из переведенных в эту школу учеников вспоминал: «Здесь мы сачковали еще больше. Шон играл в школьном оркестре. Веселый кудрявый парень, всегда замышлявший какую-то каверзу. Мы были грозой улицы. Налетали на лавки целыми шайками». В конце концов Шон попался на краже денег из машины, и его отправили на три года в исправительный дом в Дэнгене, которым ведало Братство облатов. Там Шон набирался преступного опыта. Именно эта крепость в центральном графстве Ирландии сделала Берка «крутым». Впоследствии он одержимо рассказывал о времени, проведенном на милости «воспитателей» в Дэнгене.

«Мне осточертело это место, но оказаться снова на улице тоже не хотелось».

В Дэнгене он распрощался с невинностью.

«...Мне было двенадцать с половиной лет. От нас требовали, чтобы мы соблюдали полную тишину, нельзя было проронить ни звука. Ванную не отапливали, и на воде нарастал лед в палец толщиной. Прежде чем помыться ледяной водой, я и другие мальчишки наловчились разбивать ледяную корку ударом локтя.

За поведением в ванной следил брат Х по прозвищу Убийца. Он стоял на деревянном ящике. И я понял, почему его так прозвали, в первый свой день в Дэнгене. Он услышал, что два парня перешептывались в конце ванной, и его лицо побагровело: «Если я сейчас поймаю болвана, который там рот раскрыл, потом он его долго не откроет!».

Затем он, кажется, что-то углядел, прыгнул с ящика, рванулся туда, откуда ему слышался шепот, схватил семнадцатилетнего нарушителя и стал равномерно дубасить его кулаками. Раз за разом он ударял его по лицу, пока не лопнула губа, а из носа не потекла кровь. Брат Х так разошелся в ярости, что крест, освободившись от пояса рясы, болтался на шее, подскакивая в дикой пляске, пока монах продолжал молотить перепуганного парня.

Потом он вернулся на деревянный ящик, чтобы озирать оттуда всю ванную.

— Вы — дрянь, отбросы общества, — разорялся он, обращаясь ко всем нам. — Шайка грязных грабителей. Кому вы будете нужны, когда вернетесь обратно в вонючие лачуги к своим отцам, невеждам и неучам, и таким же мамашам, которые произвели вас на свет?

Из ванной нас в темноте отвели строем по снегу в часовню на мессу».

Первые впечатления от Дэнгена остались у Шона навсегда, как выжженные клеймом, с отчетливой зримостью всех деталей. Это следует из другого его рассказа — о наказании, при котором он присутствовал спустя два года после появления в исправдоме.

«Брат У шпионил за мальчиками и подслушивал под дверями спальни, следя за тем, чтобы они «не сквернословили».

У брата У был отработанный за много лет ритуал: провинившегося нельзя наказывать слишком быстро. Пусть он помучается в ожидании предстоящей кары. В девять утра мы впятером пришли

работать на кухню, перешучиваясь друг с другом. Тогда брат У приступил к первому акту своей садистской церемонии.

— Закрывать рты и работать!

Он со злостью посмотрел Мику в лицо и прорычал:

— Тебя это тоже касается, а пока как следует мой посуду!

Так началось хорошо знакомое нам действие. Ровно через два часа, когда пробьет одиннадцать, Мика накажут. А до этого никто из нас не осмеливался произнести ни слова, чтобы не оказаться рядом с ним на жертвенном алтаре садистской похоти брата У.

Суп уже сварили, и в печи попевало жаркое для священников и братьев. Все горшки, кастрюли, миски, чашки и блюда к завтраку были вымыты и блестели. Я сам как старший наряда расставлял на белой хрустящей скатерти посуду и всякую хреновину в трапезной братьев. Брат У сидел в кресле рядом с рабочим столом напротив кухонной стены лицом к угольно-черной плите и читал требник. Его бледные губы беззвучно двигались на пепельном лице. Мик у раковины в десятый раз перемывал тарелку, страхась поднять голову, и дрожал. Опустилась почти физически ощутимая гнетущая тишина.

Часы пробили одиннадцать. Брат У медленно закрыл требник, поцеловал его и поставил на полку над столом. Он встал, подошел к узкому промежутку между столом и кухонным шкафом, сунул туда руку и достал палку примерно в три фута длиной и дюйм толщиной. Николас из Килкенни подхватил половую щетку и метнулся с ней к буфетной в отчаянной попытке бежать от того, что должно было последовать.

— Брось щетку и стой на месте! — прорычал брат У.

Присутствовать при наказании и наблюдать за ним обязаны были все. Это было частью ритуала. Страх на мальчишеских лицах доставлял брату У особое удовольствие.

Мик мыл все ту же тарелку, боясь остановиться хоть на миг, только бы его вдобавок не уличили в лености.

— Положи тарелку и повернись!

Мик послушно исполнил приказ.

— Ты самый гнусный подонок, какого я имел несчастье видеть. У тебя порочные и грязные мысли. Но сейчас я тебя проучу так, что ты запомнишь это навсегда. Вытяни руку вперед!

Мик протянул вперед правую руку. Он выставил ее до предела, словно хотел дать понять брату У, что если он поступил пло-

хо, то сожалеет об этом и готов принять наказание, как подобает мужчине. Может быть, брат У в своей милосердии примет это во внимание. Но жест, рожденный отвагой и страхом, оказался напрасным, и Мика, которому было четырнадцать с половиной лет, подвергли самому изуверскому и садистскому избиению, какое я видел в жизни.

Брат У превратил всю правую руку Мика в сплошной кровотокающий синяк, а потом приказал ему вытянуть вперед левую руку. Он бил по ней с той же яростью, высоко поднимая палку над головой и со всей силой опуская на дрожащую плоть мальчика. Мик стал молить о пощаде:

— Пожалуйста, сэр, я никогда больше не буду, я никогда, никогда, я не буду, сэр...

— Не смей выть, бесстыжая тварь!

Лицо брата У мертвенно побледнело, а губы тряслись. Казалось, он вот-вот свалится, и у него начнутся корчи.

— Ты мерзок и отвратителен. У тебя мерзкий рот и мерзкие мысли. Ты весь погряз в пороке. Ты — дрянной трусишка, ты даже не можешь достойно принять наказание. Ты грабитель, и поэтому тебя отправили в Дэнген. Вот какую рекомендацию ты получишь, когда выйдешь отсюда, и будешь показывать ее повсюду, вонючий подонок!

— Ну, пожалуйста, пожалейте, сэр...

Казалось, он сейчас упадет в обморок. Брату У, конечно, следовало бы уже остановиться.

— Закатай рукава до плеч!

Мик посмотрел на него с ужасом.

— Сэр, пожалейте меня, пожалуйста...

Брат У нанес три быстрых удара по левому предплечью мальчика, а потом еще три — по правому, от чего рукава рубашки впечатались в сочащуюся потом плоть.

— Когда я тебе прикажу что-то сделать, ты это сделаешь!

— Да, сэр, я сделаю...

Пальцы Мика распухли, став толще вдвое, и он не мог их согнуть. Руки стали, как висящие куски мяса в лавке, длинные и протухшие. Каким-то жалким движением он попытался поднять рукава выше локтя, но не смог. Суставы локтей и пальцев перестали слушаться.

— Я н-н-не могу, сэр, н-н-не могу...

Пот катился у него по лбу крупными каплями.

— Простите меня, сэр, я н-н-не могу...

— Мразь смердящая!

Брат У прислонил палку к стене и схватил мальчика. Он задрал оба рукава до плеч и вновь взялся за палку. Контраст между избытыми руками и предплечьями был ужасен до тошноты. Ставшая сплошным синяком плоть выглядела инородным продолжением предплечий с их гладкой, белой кожей, до локтей столь характерной для лишенных солнца мальчишек в Дэнгене. Я сам дрожал от страха, бессильного гнева и глубокого сострадания к моему товарищу и его невыносимой муке. Другие три мальчика замерли на своих рабочих местах, страшась издать звук или шелохнуться.

Брат У больше не приказывал Микку вытягивать руки, но продолжал изо всей силы наносить по ним удары не меньше пяти минут. В итоге в обеих руках Мика от пальцев до плеч уже невозможно было узнать конечности человеческого тела.

— Боже, Боже, брат, простите меня, сэр, простите, пожалуйста...

Наконец Мик упал на колени. Силы молодого тела и способность выносить боль иссякли. Сидя на корточках, он наклонился вперед, опустив лоб на пол и упершись подбородком в колени. Руки бессильно свисали по сторонам. Он не мог ими пошевелить, а смешанная с потом кровь стекла по истерзанной плоти и, задержавшись на миг на кончиках пальцев, капала на пол. Он уже перестал упрашивать и только тихо постанывал про себя.

— Скверный пакостник!

Со всего размаху брат У нанес три последних удара по дрожащей спине мальчика. Палка грохнулась на пол с тошнотворным стуком, а Мик опустился на бок и лежал без движения.

Брат У обернулся на меня и поочередно на трех других. Лицо его искажилось до неузнаваемости. Он трясся с ног до головы и, хватая воздух, отрывисто говорил:

— Пусть это будет уроком для вас всех. В этом мире хватает скверны и мерзости без вас. Даже несправедная мысль — это смертный грех. Если у вас не хватает силы преодолеть искушение, то Бог придаст вам силу — этим!

Он сжал палку правой рукой так крепко, что костяшки его пальцев побелели, и, ритмично тыча ей в каждого из нас, повторил:

— Этим! Этим!

Он опять с ненавистью посмотрел на Мика. И опять нашел что сказать:

— Вставай, воплощение дьявола, пока я не обработал тебя еще раз. Вставай, грязноротая скотина! И до конца недели ты будешь мыть всю жирную посуду в холодной воде! Ты слышишь меня, трусливый смрадный негодник!

Со сверхчеловеческим усилием Мик еле поднялся. Он вернулся обратно к раковине и, сперва подняв как можно выше левую половину своего туловища, а потом правую, опустил обе руки в уже ставшую холодной жирную воду. Низко опустив голову, он потянул зубами цепочку пробки. А затем таким же путем ему как-то удалось открыть кран холодной воды. Вода текла по изувеченной плоти, а он тихо всхлипывал.

Брат У подошел к промежутку между столом и шкафом и опустил туда испачканную кровью палку. Потом он вновь перевел свое внимание на нас.

— Пусть это будет уроком для всех вас, вы меня слышите? Если кто-то произнесет скверное слово, пусть знает, что с ним будет! Грязное, мерзкое, грешное слово — порок. Мерзость и порок. Поношение Бога. Если я услышу хоть одно грязное слово от любого из вас, он у меня месяц не встанет!

Я оборался в трапезную священников и братьев, взял в стенном шкафу кучу тряпок и стал на коленях протирать до блеска линолеум. Мысли об изувеченных руках мальчишки Мика, его ужасных муках и отчаянии на его искаженном лице не покидали меня. Тогда я еще не осознавал этого, но этот день стал поворотным в моей жизни. Это был мой день потери невинности!».

Шона отпустили на свободу за месяц до шестнадцатилетия. Неоперившийся проказливый мальчишка, каким он попал в Дэнген, за три года заметно подрос и возмужал. Из тюрьмы вышел крепко сложенный парень, видевший изнанку мира и уразумевший, как он устроен.

Мужские заведения такого рода, где в изоляции содержатся мальчишки-подростки, нередко притягивают сексуальных извращенцев, которые стремятся занять там места обслуживающего персонала. И мальчишки становятся жертвами их соблазна. Кудрявый и видный Берк сам мог стать предметом их внимания или свидетелем тех

сцен, которые, как теперь известно из многочисленных правительственных расследований, происходили в Дэнгене. В закрытых заведениях такие отношения обычны. Леттерфрак, позднее сидевший в другом исправительном доме, выдал крепкую фразу: «Я там знал пацанов, которых так отжаривали в духовке, что зад у них лопался».

Один из друзей Шона ничуть не был удивлен. «Я достаточно знаком с Дэнгеном, чтобы понять, о чем говорит Шон. Я чуть сам туда не загремел. Туда многих пацанов отправляли. Потом мне мужики, основательно приняв, многое рассказывали. И то, что рассказал мне Шон, меня совсем не удивило».

За добродушным юмором крылась порочность, доводившая шутку до издевки. Что-то затвердело в нем. Как говорится, душа окаменела. Многие из его прежних друзей тоже возвращались из исправительных заведений. Пока они обменивались рассказами о пережитом, Шон без труда стал их вожаком. Он был сметливее и умнее других. Он был одарен и обладал характером, а титул «выпускника Дэнгена» усугублял его заносчивость и самонадеянность. Он верховодил в шайке своих обожателей и любил распускать хвост к вящему восторгу тех, кто «там еще не побывал». Он упивался байками о побегах из Дэнгена, дополнял рассказы Глина и Леттерфрака, ввертывал имена крутых парней, которых он знал, и поправлял чужую английскую грамматику.

Ему нравилось быть лидером и вызывать восторг. На парней из рабочей среды северного города он производил впечатление. У многих были физические недостатки: слабое зрение, уродливые конечности и другие врожденные неприглядности, которые не исправили сразу после рождения. Статно сложенный Шон с острым умом и звучным голосом, умевший спеть песню и вернуть сольное словцо, естественно, стал главарем и набрал из парнишек свою команду.

Они обворовывали фермы, спали, где попало, разыгрывали боевые операции по канавам. Если действие по замыслу Шона не получалось или кто-то из участников отклонялся от роли, Шон начинал его безжалостно передразнивать и унижать. Несмотря на это, его любили, им восторгались как природным лидером.

Но куда он мог их повести? На что энергичные и полные стремлений молодые люди могли направить свои силы в послевоенной Ирландии конца 40-х годов? Что ждало их в тогдашнем Лимерике,

кроме черной работы на фабриках? Всей экономикой в городе управляли дельцы, придерживавшие любое сколь-нибудь привлекательное занятие для детей своего класса.

Даже если бы Берку не мешал его врожденный дух противоречия, какой жизненный путь был бы ему открыт? Разве что участь коридорного в гостинице Лисдунварны.

Этот курортный городок был излюбленным местом отдыха монахов разных орденов, приезжавших сюда на воды, холостяков среднего возраста и старых дев, заводивших здесь после сбора урожая матримониальные игры. Такой город с его двойственностью, где викторианский лоск на поверхности скрывал грязное нутро, более всего подходил Берку. Днем широкие улицы и отели были образцом благопристойности, но осенью ночные грабежи и разборки были обычным делом.

Шон не мог удержаться от того, чтобы не приносить иногда своей матери лимерикские трофеи. Кевин рассказывал: «...Набор столовых ножей высшей марки. И опять посадка. Теперь пора было двигать в Англию».

В Ирландии 1950-х годов эмиграция в Англию стала роком. Не только безработица ежемесячно выталкивала тысячи ирландцев к родственникам в Британии, но и приходившие от них письма о том, насколько лучше и свободнее стала их жизнь. Для Берка причиной безотлагательного отъезда стало обвинение в воровстве. В то время ирландские суды оправдывали обвиняемых, если их защитник указывал в заявлении: «Мой клиент, Ваша Честь, намерен отправиться в Англию».

Поблажки делались и тем, кто, как было известно судье, «поступает на военную службу». Два старших брата уже служили в Королевских военно-воздушных силах, куда завербовались, еще не достигнув совершеннолетия. Это не было исключением в послевоенной Британии (чтобы пополнить новобранцев, власти закрывали глаза на подложные свидетельства о рождении).

На базе ВВС в Касфорде, куда Шон был направлен, его, хорошо сложенного, смышленного и энергичного, заметили уже через несколько дней. Он произвел впечатление на призывную комиссию в Белфасте, а теперь должен был проявить себя перед отборочной комиссией ВВС. Шон показал, что может быстро воспринимать инструкции, обнаружил прекрасную координацию движений и тех-

нические способности. А главное, он знал правила игры и всеми силами старался произвести на начальников хорошее впечатление своей исполнительностью и предложениями.

Кевин: «Через полгода он уже намного опередил меня и стал младшим сержантом. Это значит, что он распределял наряды, то есть мог приказывать тебе делать что угодно. Когда я попадал в его распоряжение, он относился ко мне, как требует служба, не отличая меня от других. Правда, иногда в столовой он вызывал меня из очереди, будто я в чем-то провинился. Я подходил к столу, а там меня уже ждал обед, который принес кто-то из его подчиненных».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Побег от фашизма

Как у большинства из нас, в его ранние годы происходило многое, что определило путь взрослого человека, ставшего Джорджем Блейком. Он родился в семье голландского купца, соблюдавшей принципы воздержания и нравственности и строившей свои дела на побуждениях веры. Но когда он стал подростком, семью разбросало войной, отец умер от болезни, которую усугубило банкротство, а его мечты стать священником пошли прахом от политической травмы.

Став взрослым, он вспоминал, что его детство было счастливым, размеренным и полным грез. Он родился в Роттердаме 11 ноября 1922 года. То, что это был День перемирия, ознаменовавший окончание Первой мировой войны четыре года назад, и то, что он в последний момент был окрещен Георгием, а не Иаковом, могло показаться существенным тем, кто верит в предзнаменования. Его называли Джорджем, потому что его отец, турецкоподданный по рождению, бывший британским солдатом в Месопотамии, боготворил страну, которая дала ему офицерское звание и пенсию в империи, сохранившей свое могущество и после войны (когда другим империям пришлось умерить свои амбиции). Но военная служба наградила его и неизлечимым раком легких из-за отравления газом — распространенная болезнь среди выживших в той войне, которую вели, чтобы покончить со всеми войнами.

Собственные детские воспоминания Джорджа Бехара об отце скудны, но позднее он стремился разузнать о нем больше. Альберт Бехар не любил рассказывать о своей военной жизни, а когда его маленький сын стал допытываться, он уже был немощен и, угасая, интересовался лишь остатками своего рукавичного дела в Роттердаме. Рукавицы для судовых клепальщиков шили на первом этаже их семейного дома, а семья жила на втором. Когда мальчику было семь лет, дело отца пришло в упадок, а конец его ускорила финансовая

катастрофа 1929 года на нью-йоркской бирже, ударившая и по европейскому судостроению. Доходы сократились, и семье пришлось перебраться в пригород. В 1934 году, когда умер отец, с деньгами стало совсем туго, и Джордж оставался на попечении матери и сестер. Детские годы в женском окружении отразились на его характере, так же как увлечение религией и историей. Ритуалы лютеранской церкви с ее принципом предопределенности стали частью его жизни, а на уроках истории его больше всего интересовала Оранская династия и ее революционная роль в борьбе с войском католических баронов в средневековой Голландии. С юношеским идеализмом он был «за лоточников против богатеев-купцов».

Нетрудно предположить, что его политические представления о «правильном и неправильном» сформировались еще тогда. Но следует отметить, что гораздо позднее, в Москве, он охотно вспоминал о своем радостном детстве, об играх с мальчишками и девочками его возраста, о том, каким деятельным он был в школе, о выездах на природу по каналам и полям Голландии. При этом сам характер роттердамской жизни, где был порт и у причалов всегда стояло множество судов из разных стран, неосознанно готовил его к жизни в большом мире. Дома он любил наряжаться священником и в старинном черном облачении выносить нравственные приговоры своим братьям и сестрам, застывавшим перед ним в благоговении.

Смерть отца, которую приблизил крах Уолл-стрит, ускорила его переезд из протестантской Голландии в экзотический мусульманский Египет. Теперь, после разорения семейного бизнеса, он стал лучше понимать устройство мира, в котором есть те, кто правит, и те, кто им подчиняется. Отец незадолго до смерти передал матери адреса своих сестер и братьев в Египте, которые могли бы оказать им помощь на первых порах. Египетские родственники оказались гораздо щедрее, чем можно было ожидать, и после краткого обмена письмами предложили взять на себя все заботы о тринадцатилетнем Джордже до его совершеннолетия, включая его образование. Обдумав это предложение и обсудив его с родственниками, мать оставила выбор будущего за сыном. Как и всякий подросток на его месте, он разрывался между желанием остаться в семье, где его любили и где ему было хорошо, и заманчивыми приключениями в экзотической стране. «Жажда приключений и желание познать неведомое оказались сильнее».

Решающий разговор с матерью, «великая встреча в маленькой комнате», круто изменил его жизнь. Трудно вообразить более резкие и волнующие крайности, которые должны были стать последствием этого решения.

Тринадцатилетний мальчишка совершил плавание на грузовом судне из оскудевшего после кризиса Роттердама в египетский порт Александрия, к звукам и ароматам Востока. От звона церковных колоколов — к минаретам, от бюргерской демократии — к системе арабских кланов, отягощенной британским колониализмом. Улицы кишели попрошайками и бездомными, а могущественные суверены держали массы народа в такой нищете, какую недавно обедневший голландец не мог себе и представить.

Уже первая встреча с приемной семьей открыла перед ним панораму новой жизни. В порту его встретил шофер в ливрее и отвез к двум огромного размера тетушкам, которые тут же заключили его в объятия, осмотрели с ног до головы и с одобрением отметили сходство со своим умершим братом.

Новая семья жила на вилле Кюриэль, в двенадцати комнатном особняке, под сенью пальм, на орошаемом Нилом острове. Великое множество слуг-нубийцев и отделанный дорогими тканями интерьер свидетельствовали о неплохих доходах дяди-банкира, имевшего дела с правительством, — сюжет из «Тысячи и одной ночи» для снedaемого любопытством мальчишки. Когда он познакомился ближе со своей приемной семьей, все угрызения совести от того, что он оказался среди праздных богачей, рассеялись. Он понял, что первое впечатление, будто они живут вольготной купеческой жизнью, было ошибочным, и что у каждого из них есть свой особенный характер. Тетушку Зефиру выдали замуж в шестнадцать лет за слепого, как было условлено между купеческими семьями, и она была с ним счастлива. Она содержала дом в полном порядке и вместе со своей незамужней сестрой уделяла много времени благотворительности, помогая бедным. Мальчик посещал с ними монастыри и бесплатные столовые, где впервые увидел своими глазами чудовищную и безысходную нищету. Но после таких визитов они возвращались на автомобиле в богатый дом со слугами.

Напротив, оба его дяди, Макс и Даниэль, относились к таким милосердным делам с пренебрежением. Они придерживались крайне левых взглядов, согласно которым лишь глубокие изменения в рас-